

Дайте женщинам власть

Свани Хант

Foreign Affairs, май/июнь 2007 г.

Аннотация: Хотя женщины сделали большой шаг в своем профессиональном статусе на протяжении прошлого столетия, политика все еще остается мужским миром. На пути большинства женщин стремящихся к политическому руководству стоят значительные препятствия – в не меньшей степени вследствие собственного отношения женщин. Если не приложить серьезные усилия по снятию этих барьеров, то мир упустит преимущества, которые может принести женщина в процесс выработки политических решений.

Свани Хант является директором программы «Женщины и государственная политика» при Школе государственного управления им. Кеннеди Гарвардского университета и председателем «Инициативы по совместной безопасности» (Initiative for Inclusive Security). Она была послом США в Австрии с 1993 по 1997 годы и является автором книги «Это была не наша война: боснийские женщины восстанавливают мир».

НЕДОСТАЮЩИЕ

Женщины добились значительного прогресса в большинстве обществ на протяжении прошлого столетия, но путь их восхождения не был прямым. В недавних интервью с сотнями женщин-руководителей в более чем 30 странах, я обнаружила, что там, где женщины находятся на руководящих ролях, они выступают в качестве социальных реформаторов и предпринимателей, но не в качестве политиков или государственных служащих. Это заслуживает сожаления, так как мир нуждается в женском взгляде и особом таланте на высших должностях. В 1998 году, Фрэнсис Фукуяма писал в *Foreign Affairs*, что женское политическое руководство принесло бы больше сотрудничества и меньше конфликтности в мировую политику («Женщины и развитие мировой политики»), сентябрь/октябрь 1998 г). Эти надежды все еще остаются неосуществленными.

Немногим женщинам удалось прорваться через традиционные барьеры и стать президентами, премьер-министрами, членами кабинета и законодателями. Но в тот момент, когда в центре внимания средств массовой информации находятся 11 женщин-глав правительств в мире, другой существенный факт остается незамеченным - большинство лучших и наиболее ярких женщин избегают политики. Женщины намного более охотно обретают вес в обществе в результате работы в неправительственных организациях, чем в государственных учреждениях.

Женщины все еще недостаточно представлены в правительствах во всем мире. В недавнем отчете Всемирного экономического форума, охватывающего 115 стран, отмечалось, что женщины преодолели около 90 процентов гендерного неравенства в области образовании и здравоохранении, и только 15 процентов в высших эшелонах политической власти. Хотя в 97 странах имеется что-то вроде квотной системы по гендерному признаку для правительственных должностей, по данным межпарламентского союза, организации, которая содействует обмену между парламентариями, женщины заполняют только 17 процентов парламентских мест во всем мире и 14 процентов должностей на уровне министров. Большинство этих должностей касаются вопросов семьи, молодежи, инвалидов и престарелых людей. Что же касается неправительственных организаций, то там ситуация совсем другая: женщины последовательно имеют подавляющее преимущество на высших уровнях.

Эта картина также справедлива и для Соединенных Штатов, где 16 из 100 членов Сената и 71 из 435 членов Палаты представителей являются женщинами. Соединенные Штаты занимают 68 место из 189 стран, позади дюжины латиноамериканских стран, в терминах количества женщин в законодательной сфере. Эти низкие показатели согласуются с исторической антипатией Капитолийского холма в отношении женщин. Женщины были лишены права голоса на протяжении 133 лет, им было отказано в равных правах на внесение поправок, и на протяжении десятилетий им был закрыт путь к финансируемым государством исследованиям в области здравоохранения. В то же время, большинство американских женщин стремились в неправительственные организации, ибо там было намного меньше преград на пути к руководящим должностям. 230 неправительственных организаций в Национальном совете женских организаций представляют десять миллионов американских женщин. Также женщины возглавляют многие из крупнейших филантропических организаций, включая Фонд Билла и Мелинды Гейтс и Фонд Форда. Что касается академической сферы, то Гарвард, Массачусетский технологический институт и Принстон имеют женщин в составе руководства.

Аналогичная картина наблюдается в большинстве стран. После падения Железного занавеса количество неправительственных организаций в бывших Советских республиках стремительно возросло, и женщины составили основу этого нового гражданского общества. В тоже время процентное отношение женщин в восточноевропейских парламентах резко сократилось. В Литве, этот процент сократился от приблизительно 33 процентов во время коммунистической эры до 17,5 процентов в 1997 году и 10,6 процентов в 2004 году. По данным группы журналистов в Кыргызстане, женщины возглавляют 90 процентов неправительственных организаций, но не имеют ни одного места в парламенте, даже, несмотря на то, что они составляли 33 процента законодателей в конце Советской эпохи. В Китае, находящаяся под контролем Коммунистической партии, Всекитайская организация женщин во многом функционирует подобно неправительственной организации, вовлекая женщин по всей стране в решение бытовых проблем, однако, несмотря на правительственные призывы к равенству, китайские женщины редко занимают посты в политической власти. Аналогично, в Южной Корее, женщины составляют около 80 процентов численности неправительственных организаций, но занимают только 14 процентов мест в Национальной Ассамблее. Такая же история характерна и для Африки. По данным Роберта Ротберга, директора программы по межгосударственным конфликтам и разрешению конфликтов при Школе государственного управления им. Кеннеди Гарвардского университета, «африканские женщины, которые традиционно выполняют тяжелую работу по возделыванию земли и ведут все домашнее хозяйство, также насыщают неправительственные организации и выступают с гражданскими инициативами. Но, подразумевается, что они должны оставить политику – включая коррупцию и конфликты – мужчинам».

Женщины могут преуспевать в неправительственных организациях. Мир, однако, нуждается в них для того, чтобы перенести их опыт в политическую сферу. Как отметил активный политик из Сьерра Леоне и бывший кандидат в президенты Зайнаб Бангура, «реальная власть заключается не в гражданском обществе, она состоит в принятии политических решений».

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

Большее участие женщин в политической жизни принесло бы значительную выгоду. Результаты исследования, проведенного под эгидой Всемирного банка, показали, что для стран с высоким количеством женщин в парламенте характерны более низкие уровни коррупции. Другое спонсируемое Всемирным банком исследование пришло к

заклучению, что менее вероятно вовлечение женщин во взяточничество, и что коррупция менее распространена, когда женщины составляют большую часть высших государственных служащих, а также рабочей силы. Обзор исследования Рейчел Кросон из школы Уортон и Ури Гнизи из Калифорнийского университета, Сан-Диего, приводит к аналогичному выводу, что женщины заслуживают большего доверия, чем мужчины. Рассмотрим Нигерию. Согласно Transparency International, она считалась самой коррумпированной страной в мире в 2003 г. Но в том году, Нгози Оконо-Ивела ушла с поста вице-президента Всемирного банка, чтобы стать министром финансов этой страны, и к 2005 году Transparency International включила Нигерию в группу из 21 государств, добившихся наибольшего улучшения в этой области. Перемены произошли благодаря судебному обвинению коррупционных государственных служащих, а также реформированию банковского, страхового и валютного рынков, пенсионной и налоговой систем. Аналогично, в Либерии, международные лидеры были воодушевлены решительностью президента Эллен Джонсон-Сирлиф сделать искоренение коррупции своим главным приоритетом. Зная, что иностранные инвестиции будут поступать только после жестокого подавления грабительской практики ее предшественников, Джонсон-Сирлиф уволила весь персонал министерства финансов и назначила женщин на посты министра финансов, главы полиции, министра торговли и министра юстиции, среди прочих.

Выбор и назначение женщин на политические руководящие посты оказывается хорошей практикой также и для более широкой экономики. Существует корреляция между занятием женщинами политических должностей и общей экономической конкурентоспособностью нации. По мнению Аугусто Лопес-Карлос, главного экономиста и директора Сети глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, «северные страны осознали экономический стимул, который стоит за наделением женщин властью: страны, которые не полностью капитализируют одну половину своих трудовых ресурсов, явно подрывают свой конкурентоспособный потенциал». Высокий процент женщин в парламенте таких стран, как Руанда (почти 49 процентов членов в нижней палате), Коста-Рика (40 процентов) и Мозамбик (35 процентов), предполагает, что благоденствие нации не является основным фактором, способствующим тому, что женщины занимают больше руководящих должностей. В этом случае, относительно процветающие Соединенные Штаты должны были бы занимать верхние позиции среди государств, направляющих женщин в Конгресс, а не плестись позади таких стран, как Сальвадор, Непал и Таджикистан.

В 2000 году, опрос Межпарламентским союзом 187 женщин-политиков в 65 странах показал, что 80 процентов респондентов считают, что повышенное представительство женщин возрождает общественное доверие к правительству, что в свою очередь содействует экономическому благополучию. Политики цитировали примеры из таких разных стран, как Сальвадор, Эфиопия, Новая Зеландия и Россия, в которых политическая активность женщин привела к «заметным улучшениям» в социальных службах, окружающей среде, безопасности женщин и детей и половом равенстве.

Во всем мире, женщины-законодатели в целом склонны концентрироваться на оказании помощи маргинальным слоям населения. В Соединенных Штатах, например, женщины-демократы и умеренные республиканцы в Конгрессе с большей охотой, чем мужчины концентрируются на социально направленном законодательстве. Возможно, женщины-политики принимают такие проблемы близко к сердцу потому, что они отточили свое искусство в этой сфере, участвуя в неправительственных организациях. Президент Чили Мишель Бачелет, например, возвратилась после ссылки в 1979 году к работе с детьми людей, которые подвергались пыткам или пропали без вести во время диктаторства

Аугусто Пиночета. Южнокорейский премьер-министр Хан Мён Сук была социальной активисткой (и политической узницей) во время военной диктатуры в своей стране.

Уроки, полученные женщинами во время руководства гражданским обществом, могут также объяснить, почему они обладают «более высокими моральными или этическими стандартами, чем их коллеги мужского пола», согласно данным Международного неправительственного учебно-исследовательского центра. Хана Райли Боулс, профессор государственной политики Школы государственного управления им. Кеннеди при Гарвардском университете, обнаружила, что при переговорах об устройстве на работу, американские женщины просят зарплату на 15 процентов меньше, чем мужчины, но когда они ведут переговоры от имени других, то запросы женщин существенно возрастают. (Среди мужчин такое различие не наблюдалось). Переноса такую тенденцию в политическую сферу, «женщины могут проявлять сдержанность, когда продвигают свою собственную кандидатуру или добиваются ресурсов, необходимых им для продвижения вперед», аргументирует Боулс. Но они могут быть «прекрасными защитниками своих избирателей».

Учитывая эти качества, не удивительно, что вовлечение женщин в политические переговоры приводит к более быстрому разрешению конфликта. «Если мы приведем женщин к руководству, они обладают той степенью терпимости и понимания, которая позволяет им стоять на своем даже когда дела совсем плохи», отмечает Пумла Гободо-Мадикизела, клинический психолог из Южной Африки, которая работала в неправительственных организациях во время апартеида и способствовала учреждению Комиссии правды и согласия. В отличие от мужчин, продолжает она, «женщины обладают силой и эмоциональной склонностью стараться сохранять надежду, ведя переговоры с бывшими врагами». Инициатива по совместной безопасности документировала много случаев, когда женщины объединяли силы, несмотря на различную партийную принадлежность, для формирования мирных соглашений, содействия законодательству, и влияния на разработку конституций.

Они также садятся за стол с другой перспективой относительно разрешения конфликта. Женщины склонны принимать более широкое определение безопасности, которое включает ключевые социальные и экономические вопросы, которые иначе были бы проигнорированы, такие как пища и чистая вода, и защита против насилия на половой почве. Об этом мне сказала мне Сонг Янг Сан, курирующая вопросы разоружения в Национальной ассамблеи Южной Кореи. По ее словам, большинство мужчин, с которыми она работает, определяет безопасность как защиту территории Южной Кореи от Северной Кореи; она же считает, что вопросы безопасности должны также включать «всё - от экономики до культуры, окружающей среды, здравоохранения и питания».

МУЖСКОЙ МИР

Если обладание женщинами политической властью настолько выгодно, то почему мы не имеем больше женщин-руководителей? Основная причина заключается в том, что женщины сами не жаждут или не желают занимать политические посты. Женщины рассматривают политику как грязную игру, и их более возвышенные стандарты могут удерживать их от ее жесткости и однообразия. Более 200 государственных служащих и руководителей неправительственных организаций в Кыргызстане ответили на опрос Программы развития Объединенных наций в 2004 году, что женщины могли бы принести в политику прозрачность, «сильный смысл ответственности», и «справедливое отношение». Но Нургул Джангаева, которая возглавляет коалицию из 88 кыргызских женских групп, нарисовала печальную картину - «Единственный способ для меня

накормить мою семью, пока я работаю в правительстве, заключается в коррупции, поэтому я лучше буду работать в неправительственной организации и иметь прожиточный минимум».

Этому не содействует то, что политика традиционно является мужским миром, и что много мужчин – и некоторые женщины – желают сохранять такое положение дел. Женщина может рассматриваться, как «слишком мягкая» для политического руководства – или «мужеподобной» если она стремится к лидерству. Однако, зачастую именно сама женщина сомневается в своих собственных лидерских способностях. По данным обзора Мировых ценностей 2000 года, женщины составили 21 процент респондентов в Чили и 45 процентов респондентов в Мексике, которые настоятельно придерживались мнения, что мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины. Это отчетливое отсутствие самоуверенности продолжает сохраняться в разных культурах. Согласно результатам исследования политологов Ричарда Доулесса и Дженифер Фокс, авторов работы «Стать кандидатом: почему женщины не выставляют свою кандидатуру на руководящие государственные посты», американские женщины в два раза чаще, чем мужчины характеризовали себя как «совсем неподходящих для баллотирования на государственные посты», даже если их образование и рекомендации были равными. Только 25 процентов женщин рассматривали себя в качестве вероятных или весьма вероятных победителей, по сравнению с 37 процентами мужчин.

Традиционная роль, которой общество наделяет женщин, также не побуждает их к политическому руководству. Согласно результатом обзора Межпарламентского союза в 2000 году, совмещение политической жизни с семейными обязанностями было главной заботой женщин-политиков. Женщины обычно полагают, что их обязательства перед членами семьи – включая родителей и родню со стороны супруга – опекать и заботиться о них, несовместимы с руководящей государственной службой. Ребекка Гринспан, бывшая вице-президент Коста-Рики, так обрисовала существующую диллему - «Общество не обеспечивает условия, при которых мы можем спокойно выполнять свою работу и оставлять наших детей дома с душевным спокойствием даже, несмотря на то, что мы можем рассчитывать на стабильных партнеров, которые поддерживают нас». Давления на женщину, принуждающие ее оставаться дома и заниматься только своим семьям, смешиваются с консервативными религиозными доктринами. Фундаменталистская интерпретация ислама угрожает возникающим политическим надеждам женщин в таких странах, как Кувейт, где женщины получили право голоса и баллотироваться на выборах в 2006 году на занятие руководящих государственных постов, но не выиграли ни одного парламентского места. Аналогично, Афганистан и Ирак, где новые конституции резервируют четверть парламентских мест за женщинами, находятся в опасности сползания к столкновению с возрождающимся экстремизмом. На Западе, католическая церковь в таких странах, как Хорватия побуждает женщин сосредоточиться на семье, а не на политической жизни. Аналогично, большинство женщин в политической деятельности США, находят свои взгляды несовместимыми с религиозным правом - в 2004 году только 2 из 14 сенаторов-женщин, по сравнению с 48 из 86 сенаторов-мужчин, голосовали заодно с христианской коалицией.

Даже когда женщина хочет выдвинуть свою кандидатуру, чтобы занять политическую должность, она встречает на своем пути много препятствий. В большинстве стран, только мужчины из политической партии определяют и контролируют список кандидатов, и порядок очередности в списках является фундаментальным фактором при определении того, кто проходит в парламент. Следует предпринимать гарантирующие меры, такие как квоты или зарезервированные места, для обеспечения женских мест в этих списках. Но для этого партии надо иметь сильную волю. По данным гарвардского политолога Пиппа

Норрис, которая проанализировала британские выборы 1997 года, Лейбористская партия продемонстрировала редкую решимость в выделении для женщин половины мест, освобождавшихся после ухода на пенсию членов парламента. Причем половина из этих мест считались «самыми привлекательными». Это решение удвоило общий процент женщин в парламенте с 9,2 до 18,2 процентов от всех мест. Более типичным, однако, является жалоба боснийской женщины-политика, которая сказала мне с огорчением, что ее место в списке кандидатов от ее партии стремительно упало вследствие закулисных интриг и мужчин, прокладывающих себе путь наверх.

Деньги составляют другой барьер для женщин. Сбор денег для оплаты регистрации в качестве кандидата или на проведение кампании может привести в уныние. Немногие страны повторили опыт создания таких организаций, как EMILY List (EMILY: Early Money is Like Yeast - обозначает Начальные Деньги Подобны Дрожжам), которая собирает взносы на территории Соединенных Штатов для женщин-демократов, стоящих на позиции разрешения абортв.

Финансовые затруднения могут еще более осложниться угрозой физического насилия. По данным Фобе Асио, известного кенийского члена парламента на протяжении более четверти века, наибольшие расходы для женщины, баллотирующейся в парламента в Кении, составляет круглосуточная охрана, которая необходима вследствие опасности изнасилования, что является обычной тактикой устрашения. Мэри Окуму, кенийский специалист в области общественного здравоохранения, которая обучалась в Стэнфорде, подверглась избиению, когда она была кандидатом на выборах в 2002 году. Окуму говорит, что она и другие кандидаты обычно носили скрытые ножи и одевали два комплекта колготок под платьем для того, чтобы иметь больше времени на призывы к помощи во время попытки изнасилования. Мужские оппоненты также находятся под угрозой физического нападения, но Окуму говорит, что «для женских политических претендентов, насилие также включает грязные ругательства, побои, похищение и угрозу смерти.»

Учитывая преобладающие социальные нормы и многочисленные барьеры для выхода на политическую арену, а также женское восприятие политики как грязной игры, неудивительно, что многие женщины отворачиваются от выборных постов, полагая, что лучший шанс для достижения результатов связан со сферой неправительственных организаций. В 1991 году, будучи ребенком, Ала Ноори Талабани спаслась бегством от армии Саддама Хусейна. Через четырнадцать лет, она была избрана в переходное Иракское национальное собрание. Она была примерным законодателем – хорошо образованная, четко выражающая свои мысли дипломат, одинаково удобно чувствующая себя как среди сельских жителей Киркука и политиков в Багдаде, так и среди политических аналитиков в Вашингтоне. И все в 2006 году она оставила политику с чувством разочарования и стала работать в неправительственной организации для того, чтобы иметь возможность сконцентрироваться на тех проблемах, которые заботят ее больше всего: убийства женщин, опозоривших родню, рукоприкладство в семье и изнасилования.

ЧТО СЛЕДУЕТ СДЕЛАТЬ?

Силы, исключаящие женщин из политического руководства настолько крепки, что только серьезные и всеобъемлющие усилия могут дать шанс. К счастью, правительства, организации по оказанию иностранной помощи, аналитические центры, научные организации могут стимулировать как спрос, так и потребность в женщинах на политической арене.

На наиболее базовом уровне, национальные правительства должны проводить «дружественную по отношению к семье» политику, включая такие простые меры, как более легкий доступ к детским садам и яслям, гибкий рабочий график, и ограничения на вечерние собрания. Но в некоторых странах, для того, чтобы быть действенной, политика должна разрабатываться в соответствии с более прогрессивной интерпретацией религиозной доктрины относительно роли полов. В 2004 году, король Марокко Мухаммад VI лично поддержал новую версию семейного закона, которая была совместима с шариатом и которая дала женщинам равные права. Его поддержка этого чувствительного для полов законодательства также увеличила женское политическое представительство (от двух в 2001 году до 35 в 2002 из 325 мест в нижней палате парламента) и сделала Марокко одной из наиболее социально прогрессивных стран в мусульманском мире. В мае 2006 года, благодаря другой королевской инициативе, был выпущен первый класс из 50 женщин-имамов из академии в Рабате. Предполагается, что они будут делать все, что делают имамы-мужчины, за исключением проведения служб в мечетях по пятницам.

Неправительственные организации и правительства должны сыграть важную роль в оснащении женщин уверенностью и умением, необходимыми для баллотирования на руководящие государственные должности. Местные программы могут помочь набору и обучению женщин по всему политическому спектру. Камбоджийская организация «Женщины за процветание», например, подготовила более 5500 женщин-кандидатов на выборы в Камбодже. Зарубежные посольства могли бы поощрять авторитетных женских государственных служащих к шефству над новыми кандидатами, перенимая опыт «Форума женских парламентариев» в Руанде. В 2006 году, руандийские женщины-парламентарии возвратились в свои округа, призывая женщин баллотироваться в местные органы власти, тем самым, увеличив пропорцию женщин-мэров и заместителей мэров в стране с 24 до 44 процентов за одни выборы. Другие должны поддержать либерийский пример Джонсон-Сирлиф, единственной африканской женской главе государства, которая недавно обратилась к женщинам на государственных постах: «Не останавливайтесь на парламенте. Присоединяйтесь ко мне. Мне одиноко». Инициатива по Совместной Безопасности, которая содействовала взаимоотношениям между сотнями женщин-руководителей в конфликтных регионах и тысячами политиков, представляет собой созидательную и крепкую модель внешнего игрока, работающего по стимулированию женщин к участию в политической жизни. Все правительства должны внедрять в политические партии такие новаторские реформы, которые гарантировали бы половое равенство, подобные тем, что лоббировала группа WE (Women Electoral) Power («Мы – женская электоральная сила»), которую создала Мичэл Юдин в Израиле. Эта организация оказывает давление на членов Кнессета, чтобы увеличить финансирования партий, превышающих квоту участия женщин.

Поддержка прозрачных и равноправных правил финансирования также должна помочь женщинам на политической арене. Женщины говорили мне, что когда им предстоит выбор между оплатой занятий в школе своих детей и оплатой своей избирательной кампании, то дети побеждают. Распределение государственных субсидий на избирательную кампанию между политическими партиями помогает выровнять условия для участников кампании. Правительства должны пойти дальше посредством поощрения партий, которые поддерживают представительство женщин в их списках кандидатов и наказывая тех, кто этого не делает.

Женщины-политики также нуждаются в защите. В Афганистане, когда женщины, выставившие свои кандидатуры в парламент в 2005 году подверглись нападению, местные и международные организации попросили губернаторов, начальников полиции,

племенных старейшин, и других общинных руководителей, обеспечить их безопасность. По крайней мере одна женщина-кандидат, которая сообщила об угрозах, получила круглосуточную защиту со стороны полиции. Меры безопасности заверили женщин, что руководители государства и общин поддерживают их право на занятие политикой.

Последнее и наиболее важное, правительства должны поддержать квоты для женщин на всех уровнях государственной власти. В системах с пропорциональным представительством, требование, чтобы женщины были в каждом втором или третьем месте в избирательном бюллетене, помогает увеличить количество женщин; и все же, женщины редко появляются на верхних двух местах избирательного бюллетеня. Хотя квоты могут первоначально привести к тому, что отношение к количеству женщин в парламенте будет менее серьезным, преимущества намного перевешивают недостатки, так как квоты подталкивают женщин заняться политикой. Шестнадцать из 19 стран – включая Кубу, Исландию, Южную Африку, Испанию и Швецию – которые имеют парламент, содержащий, как минимум, 30 процентов женщин, ввели в действие законодательные или партийные квоты.

МЕНЬШЕ ЗАНОСЧИВОСТИ И БОЛЬШЕ ЛАВИРОВАНИЯ

Базирующаяся на сообществе женская мудрость, свежие идеи и приверженность социальному благополучию, могут улучшить внутреннюю политику нашего времени. Они могут внести большой вклад в решения, касающиеся окружающей среды, безопасности, медицинского обеспечения, финансирования и образования. Во внешней политике, также, мир может использовать больше лавирования и меньше заносчивости.

Критическая масса женщин-руководителей изменит нормы и правила; может быть, именно поэтому президент Бачелет назначила десять женщин наряду с десятью мужчинами в свой кабинет. Конечно, имеются исключения, но вообще говоря, стереотипные «женские» качества (такие как склонность к воспитанию, компромиссу и сотрудничеству) подтверждаются социальными научными исследованиями. Мир нуждается в этих особенностях. При наличии такого большого количества неразрешенных конфликтов, общепринятые стратегии – экономические санкции, бойкоты или военное вмешательство – четко продемонстрировали свою неадекватность. Женские голоса могли бы обеспечить призыв бросить оружие.

Однако ни одно из этих преимуществ для внутренней и внешней политики не будет реализовано, если лишь немногие женщины пробьются к власти. Те немногие женщины, которые сейчас проводят ее на вершине преимущественно мужской иерархии, и которые не вышли из женского движения, обычно обладают свойствами, более похожими на те, которые присущи большинству мужчин. Индира Ганди, Маргарет Тэтчер и Голда Меир обладали больше «мужскими» качествами, чем многие из мужчин, окружавших их, и они не сильно склонялись к социальной повестке дня, что обычно входит в сферу интересов женщин-политиков. Общепринятое представление о критической массе говорит о том, что приблизительно 30 процентов политических деятелей должны быть женщинами для того, чтобы ощутить существенный эффект в политике. Как говорила мне Анита Градин, рассказывая о своем опыте в качестве члена шведского парламента, одна и та же группа женщин, которые были раньше в меньшинстве в законодательной власти, выступали, действовали и голосовали совсем по-другому, когда их пропорция существенно возросла.

Чем больше женщин переходит из гражданского общества в правительство, тем больше политическая культура будет изменяться к лучшему, и тем больше других женщин будут следовать их примеру. Сторонникам женского руководства необходимо прекратить

заламывать руки в отношении того, существуют ли половые различия, и начать ценить преимущества, которые женщины имеют по сравнению с твердым мужским стилем руководства, вследствие своих биологических особенностей, либо социальных ролей, или комбинации того и другого. Однако сейчас они вынуждены смириться с существующим опекунским отношением. С подобным отношением я столкнулась, разговаривая с одним полковником в Пентагоне вскоре после «внушающего шок и трепет» нападения Соединенных Штатов на Ирак в 2003 году. Когда я настойчиво советовала ему расширить критерии поиска будущих иракских руководителей, в результате которого были отобраны несколько сотен мужчин и только семь женщин, он ответил, «Посол Хант, мы будем решать женские вопросы после того, когда в стране будет безопасно». Я удивилась, какие «женские вопросы» он имел в виду. Ведь я и говорила о безопасности.